

statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/finansy/godovye-dannye_14/inostrannye-investitsii-v-respubliku-belarus/ . – Дата доступа: 05.08.2018.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Шарапо А. В.

доктор исторических наук, профессор, БГУ (г. Минск),

Подключение любого государства к тому или иному интеграционному процессу – задача сложная, требующая учета многих факторов политического, экономического и военного характера. В конечном счете, речь идет о концептуальном выборе пути своего развития, о судьбах и благосостоянии многих людей. Тем более значимым такой выбор становится сейчас, на современном этапе человечества, когда теоретические разработки таких понятий как «глобализация», «интеграция», «интернационализация» на практике во многом реализовались в жесткие, эгоистические и прагматичные межгосударственные отношения, граничащие с диктатом сильного над слабым.

В историческом плане еще задолго до введения в политическую лексику этих терминов человечество уже знало немало примеров принудительного распространения и насаждения культуры, обычаев, религии, социальных отношений более сильного государства на другие народы. Именно с таких позиций, в частности, можно рассматривать территориальные захваты земель Римской империей, походы Александра Македонского, крестовые походы, колонизацию Африки и Азии, в XX веке – бредовые идеи Гитлера о построении всемирного арийского государства. Конечно, всеми ими скорее всего руководили не столько экономические мотивы, сколько сугубо имперские или религиозные цели, а также присущая древности и средневековью жажда захвата чужих земель ради удовлетворения своих личных амбиций.

Прошли столетия, мир кардинально изменился, человечество пытается жить по общепринятым международным законам. Однако отголоски далекого прошлого все еще дают о себе знать в жестком прагматизме современных политических и экономических отношений. Одними из наиболее наглядных форм их проявления являются зародившиеся во второй половине XX века процессы глобализации и интеграции. Конечно, по степени диктаторства и способам его достижения их нельзя сравнивать: все-таки интеграция предполагает не давление на партнера и силовое навязывание своих условий (хотя и такие примеры бывают), а консенсус, согласие и взаимоприемлемые договоренности. Однако, что касается максимального удовлетворения своих политических и экономических интересов как конечной цели, то здесь глобализация и интеграция схожи. Нет больших различий между ними и в реализации принципа добровольности участия в этих процессах. В теории каждое государство вправе самостоятельно решать, быть или не быть членом интеграционного сообщества и в какой степени делегировать ему часть своих полномочий. На практике же дело выглядит несколько по-другому.

Будучи объективными факторами развития человечества, эти явления, выдвигают перед каждым государством историческую дилемму: или ты, используя свой суверенитет и независимость, отказываешься стать участником этих процессов и тем самым обрекаешь своих людей на самоизоляцию и отставание от цивилизационного мира, или подключаешься к ним, но без гарантии экономического прогресса. Такая категоричность (подобно шекспировскому «быть или не быть») вносит в принцип добровольности некоторые элементы вынужденности, принуждения к действию, к риску. И большинство государств мира, особенно развивающиеся страны, идут на такой риск, осознавая объективность этих процессов и свою ответственность за будущие поколения.

Именно с такой дилеммой столкнулась Беларусь – страна, долгие годы жившая в условиях жестко интегрированной советской системы и получившая в начале 90-х годов право самой определять свой путь развития. Нужно отметить, что, подключаясь к интеграционным процессам на постсоветском пространстве, мы не были «первопроходцами» в этом деле. К тому времени в мире насчитывалось

немалое количество всевозможных интеграционных сообществ. Назову лишь некоторые из них: в Америке – Латиноамериканская зона свободной торговли (1960 г.), Карибское сообщество (1967 г.), Андская группа (1969 г.), Общий рынок стран южного конуса (1971 г.), МЕРКОСУР (1991 г.), НАФТА (1992 г.); Азия – Организация экономического сотрудничества (1994 г.), АСЕАН (1967 г.); Африка – Экономическое сообщество стран западной Африки (1975 г.), Союз стран Магриба (1989 г.); Европа – Европейское объединение угля и стали (1952 г.), переросшее в Европейский союз (1993 г.). Как видим, все они носят региональный характер, связаны с экономикой и торговлей. Политика на этапе их создания, несомненно, присутствовала, но скорее играла сопутствующую роль.

Интеграция на постсоветском пространстве носила несколько иной характер. Все республики бывшего СССР были интегрированы прежде всего в политическую систему, руководимую Москвой. Лейтмотив песни «моя столица, моя Москва» все еще продолжал жить в умах не только простых граждан, но и руководства новых независимых государств. Во многом это обстоятельство, особенно на первом этапе интеграционного процесса, предопределило приоритет политического фактора над экономическим. Уже само создание Содружества Независимых Государств есть ни что иное как политическое решение, принятое, прежде всего с целью сохранения, но уже в измененном виде, политического базиса прежних отношений. Экономическая сторона вопроса тогда почти не обсуждалась, тем более не шла речь о создании каких-либо интеграционных сообществ.

Однако, с середины 90-х годов, когда бывшие союзные республики столкнулись с жесткой экономической конкуренцией, когда спад экономики стал угрожать самому политическому выживанию независимых государств, в политическом лексиконе межгосударственных переговоров СНГ все чаще стало звучать слово «интеграция». Оно приобретало популярность и научное обоснование. Но вместе с ним возникли и логические, принципиально важные вопросы – «если интегрироваться, то с кем и в какой форме?». Старшее поколение помнит острые «кухонные» и «дворовые» споры вокруг этой темы: «восток или запад?», «если независимость, то от кого и от чего?».

Гораздо серьезнее эти проблемы обсуждались в научных кругах и особенно в руководстве Республики Беларусь. Ввиду того, что процесс интеграции в современном его понимании в начале 90-х годов лишь только зарождался, а советский опыт совместного политического, экономического и идеологического проживания все еще жил в умах людей, первые интеграционные объединения на постсоветском пространстве (зоны свободной торговли, таможенный союз, а затем – Союзное государство) воспринимались большинством населения как возвращение к привычному советскому укладу межгосударственных отношений с его дружеской взаимопомощью, прощениями и уступками. При этом основные надежды в этом плане возлагались на естественное ядро постсоветской интеграции – Россию.

Во многом это объяснялось тем, что первые попытки отойти от «центра», подключиться к центробежным силам, характерным для первой половины 90-х годов, привели к дестабилизации и разбалансированности экономик постсоветских государств. Именно в таких условиях оказалась и Беларусь в первые годы своей независимости, когда в руководстве страны было немало западников-поборников одновекторной западной внешней политики.

Политические споры вокруг этих проблем вылились на улицу в виде многочисленных демонстраций и митингов. Эта тема постоянно звучала в средствах массовой информации, аргументируя и подчеркивая историческую важность выбора между «западом и востоком», между самоизоляцией и интеграцией. Интеграционные объединения стали восприниматься населением как структуры, реально влияющие на их повседневную жизнь. Как бы там ни было, но приезжая сейчас, например, в Россию, мы чувствуем себя гораздо больше «дома», чем, скажем, в ФРГ или Соединенных Штатах, и не только потому, что она нам ближе духовно, но и в немалой степени по причине установленных в рамках Союзного государства юридических прав. Естественно, что среди наиболее весомых аргументов, обосновывающих объективность интеграционного процесса на постсоветском пространстве, находятся экономические выгоды, сохранение и поддержание обороноспособности и безопасности страны.

Вместе с тем, проблему постсоветской интеграции можно рассмотреть и с несколько иных позиций. Ведь по своей сути для стран СНГ она представляла собой начальную фазу их вступления в новый, зарождающийся тогда процесс глобализации. Для их внешней политики это означало приобретение опыта, материальных ресурсов и специальной подготовки дипломатических кадров при работе в условиях, которые мы сейчас называем многовекторностью. Могли ли мы в начале 90-ых годов концептуально закрепить это внешнеполитическое направление и наполнить его полноценным содержанием? Сомнительно: выражаясь недипломатическим языком, «многовекторность – дорогое удовольствие», требующее от любого государства соизмерения своих внешнеполитических желаний и возможностей.

Установление дипломатических отношений – это формальный акт, за которым по сути должны следовать конкретные, материально ощутимые действия. Следует признать, что для проведения реальной многовекторной политики у молодых независимых государств СНГ не хватало ни экономических, ни дипломатических ресурсов. Оптимальным выходом из этого положения как раз и стала постсоветская интеграция – своеобразный прообраз современной многовекторности, ее региональный вариант. Она позволила Республике Беларусь постепенно, осознанно и всесторонне обоснованно подключиться к объективному процессу глобализации, установить тесные контакты с ее учреждениями и институтами. Мы научились учитывать происходящие в мире геополитические и региональные события, оценивать общемировое пространство уже не только как единое, влиятельное и масштабное целое, но и как совокупность его составляющих – зон влияния и наших интересов. Именно интеграционные образования на постсоветском пространстве продолжают оставаться приоритетными для Беларуси среди других мировых объединений.

Вместе с тем, было бы ошибочным представлять постсоветскую интеграцию в качестве какого-то «непогрешимого» образца, лишённого острых споров и конфликтных ситуаций, ошибок и недоработок. Закон о верховенстве государственных интересов в полной мере имеет силу и на просторах бывшего СССР. Лозунги времен Советского Союза «о вечной дружбе» ушли в прошлое. Они транс-

формировались в утверждение в наших отношениях прагматизма и приоритета своих интересов. Порой такая постановка вопроса приводит в всевозможного рода «торговым» войнам, сбоям в межэкономических связях, пограничных спорах. Беларусь и Россия в этом плане – не исключение.

Существование долго- и краткосрочных проблем в рамках Союзного государства и других интеграционных образований СНГ признали на недавней встрече в Сочи и наши президенты. Часть из них, в частности, связана с ограничением конкуренции внутри ЕАЭС (вытеснение белорусских машиностроителей с российского рынка, запреты ряда продуктовых поставок, неурегулированности в сфере энергетики и т.д.). А. Г. Лукашенко по этому поводу сказал так: «У нас сейчас тяжелый период – россияне ведут себя варварски по отношению к нам. От нас требуют чего-то, как будто мы вассалы у них, а в рамках ЕАЭС, куда нас пригласили, они выполнять свои обязательства не хотят ...» [БЕЛТА, 10.8.18].

Особое место в этом ряду проблем занимают серьезные меж- и внутригосударственные конфликты, перерастающие порой в военные столкновения, несущие разруху, обоюдные человеческие жертвы. Имеются ввиду: гражданские войны – Грузия (1992–1997 гг.), Таджикистан (1992-1997 гг.), Молдова (1998 г.); «цветные революции»: Грузия (2003 г.), Украина (2014 г.), Киргизия (2005 г.), Армения (2018 г.), межгосударственные конфликты между Россией и Грузией, Азербайджаном и Арменией. Все это – отголоски недоустроенности современного мира. В этом плане глобализация по сравнению с интеграцией – процесс более жестокий и бескомпромиссный. До недавнего времени при обсуждении этой темы речь в основном шла об экономической стороне с акцентом на выгодах и хороших перспективах, которые может дать этот феномен XXI века. Нужно признать, что в определенной мере такие оптимистические прогнозы оправданы. Вопрос заключается в том, кто и в каких размерах получает выгоду от такого участия и каковы конечные результаты от этого для того или иного отдельного государства. На сегодняшний день общий итог неутешительный – богатые стали богаче, бедные беднее.

Однако в последние годы процесс «глобализации» все чаще стал увязываться и с другими негативными сторонами его проявления и

в частности, с тем, что вошло в обиход под общим термином «угрозы XXI века». Конечно, говорить о прямой и основной связи глобализации с возрастанием напряженности в мире было бы не совсем корректно: существует немало других причин территориального, религиозного, этнического и т. д. характера. Но то, что этот процесс играет далеко не последнюю роль в возникновении конфликтных ситуаций, бесспорно. Попытки выстраивать международные отношения по средневековому принципу сюзерена и вассала спровоцировали известные экономические и военные конфликты на Ближнем Востоке, кризис в евроатлантическом содружестве, в американо-российских отношениях. Показательны в этом плане надуманные Соединенными Штатами причины резкого обострения отношений с Турцией (арест американского пастора) и Ираном (невыполнение ядерной сделки). В первом случае из-за удвоения таможенных тарифов на импортируемые в США турецкие сталь (на 50 %) и алюминий (20 %), Турция оказалась на грани финансового кризиса, а Иран – новой экономической изоляции. Реальная же причина кроется в другом – желание Соединенных Штатов «приструнить» непослушные с их политикой на Ближнем Востоке государства: в частности, Турцию – за отказ поддержать санкции против Ирана, намерения приобрести у России комплексы С-400, негативную риторику в адрес Израиля и открытую поддержку «Хамас».

Такое развитие событий напрямую влияет на политику и экономику не вовлеченных в эти конфликты стран, в том числе и на Республику Беларусь. Задача нашего государства как участника всех общемировых и региональных процессов учиться извлекать из них лучшее и отвергать неприемлемое, кем бы оно ни навязывалось.